

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ Н. И. ФОТЬЕВА «ЗА ОТЧИМ ПОРОГОМ»:

Антитеза «дом» – «общежитие»¹

Лотман в статье «Художественное пространство в прозе Гоголя» рассматривает возможность оппозиции двух пространств в произведении. Пространственные оппозиции могут быть разного типа: «город» – «поместье», «столица» – «провинция», «маленький город – большой город»². В повести Фотьева «За отчим порогом» главная оппозиция – «дом» – «общежитие».

Дом – понятие многоаспектное. С. И. Ожегов приводит ряд толкований, раскрывающих связь слова *дом* с самыми существенными сторонами жизни: жилое здание, а также люди, живущие в нём; квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды; династия, род. Также автор словаря рассматривает слово *дома* как наречие, что означает: на своей квартире, у себя в доме, и приводит следующие примеры: сидеть дома, как дома (быть, чувствовать себя) – без стеснения, свободно³.

Кроме того, дом – это то, что связано с землёй. Глубинное родство с землёй всегда рассматривалось как первооснова русского национального космоса и характера. Дом строился своими руками, и человек считал его своей плотью и кровью. Он – воплощение индивидуальных качеств людей, живущих в нём. Прикреплённость героя к жизни в родной стороне, дома характерна для пространственной модели, которую Бахтин называет *идиллическим хронотопом*. К идиллическому хронотопу тяго-

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

² Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. С. 258.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. С. 149.

теют, например, такие произведения писателей-деревенщиков, как «Привычное дело» (1966) и «Плотницкие рассказы» (1968) В. Белова, «Прощание с Матёрой» (1976) В. Распутина и др.

Общежитие — это нечто иное, отличное от дома: помещение для совместного проживания людей, обычно работающих на одном предприятии или обучающихся в одном учебном заведении (студенческое общежитие); общественный быт, обиход (поведение, недопустимое в общежитии)⁴.

Общежитие — это не индивидуальное построение своего мира, а общее пространство, в котором одновременно проживают несколько людей. В отличие от деревенского дома, общежитие — это всегда творение коллективное, поэтому, как правило, лишённое внутреннего содержания, души.

За традиционными пространственными образами, к числу которых относится дом, закрепились свои отличительные признаки. Пространству дома присущи «точечность», замкнутость, знаковость (дом позиционируется как основа человеческой жизни, единственная защита от событий внешнего мира), подчеркнутая детализация описания, которой автор достигает при помощи изображения предметного мира.

Вещи в литературном произведении — это совокупность создаваемых человеком предметов, входящих в мир произведения. Это может быть костюм персонажа, интерьер его дома, личные предметы и многое другое, что составляет привычную сферу культурного быта.

В повести Фотьева семья Осокиных живёт на таёжном прииске Ушпа, но несмотря на это изба и подворье вполне согласуются с традиционными патриархальными особенностями обстановки русского крестьянского дома.

У Фотьева, помимо брусовой избы, составляющими осокинского подворья являются баня, пригон, огород и пашня. Из рассуждений Генки о заготовке дров и сена становится известно о существовании дровяника и сеновала.

Важный акцент в предметно-бытовом мире повести сделан на образе печи. Печь в семье Осокиных является почти жи-

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1984. С. 376.

вым существом (автор сравнивает её с коровой-кормилицей). Когда Осокины принялись за перестройку дома, стены которого «сильно скособочились и прогнили», то по поводу того, «ломать печку или оставить», был созван семейный совет. И даже маленькая Маруся – сестра Генки, «когда стали ломать печку», «загорюнилась»:

«– Печушка!.. Не будет больше печушки!.. – Её успокаивали, посулили ещё лучше изладить печку-матушку – больше и теплее.

Жаль Марусе печку. Как же. Сколько помнит себя, столько и играла на печке. Как зима, так на печке больше. Там особый мир у неё. Там жили её куколки, лошадки, зверушки всякие из тряпочек и картошек. И ночевать там любо было. То с мамой, то с братками.

Для всех печка служила службу верную. Жарила, парила, варила, простуду выводила. Сколько косточек прогрела. <...> Русская печь, незащищённая, открытая солнцу и ветрам со всех сторон, – зрелище печальное. Есть в ней сходство с коровой-кормилицей, которую, хочешь не хочешь, а надо вести на убой»⁵.

Являясь центром всего дома⁶, печь переключает внимание с более мелких предметов, которым автор не даёт полного описания. Это связано с тем, что повествование ведётся от лица автобиографического персонажа – паренька Генки Осокина, который родился и вырос на приiske. Он является органичной частью деревенского топоса. Устройство, внешний вид избы не представляются герою-повествователю чем-то новым и необычным.

Напомним, что основным элементом крестьянской избы у В. Белова в «Привычном деле» и у В. Распутина в «Прощании с Матёрой» также является печь. Она считается центром дома и разделяет его на две половины: мужскую и женскую – это согласуется с крестьянскими традициями. Что касается интерьера

⁵ Фотьев Н. И. За отчим порогом // Фотьев Н. И. Деревенская родня. – Хабаровск, 1992. С. 200. Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

⁶ Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М.: Изд-во АСТ, 2001. С. 232–234.

дома Осокиных, то он вполне традиционен. Это необходимые предметы, которые нужны человеку в хозяйстве: стол, лавка, полати, кадки, ящики, бадейки, чугушки, лампа. Изба Осокиных предстаёт как семейный микрокосм, в котором всё находится на своих местах. Есть в убранстве избы вещи, принадлежащие женской половине дома. Среди них самопряха, с помощью которой Катерина Осокина, мать Генки, пряла льняные нитки на дратву. Мужчинам принадлежат такие вещи, как лыжи, ружья (в подворье – нарты и пчелиные улья, сани). Эти вещи свидетельствуют о роде занятий мужчин – промысле и охоте.

Дом, всегда являвшийся защитой, убежищем, в народных поверьях постоянно противопоставлялся всему остальному, «чужому» и обычно враждебному миру, кроме того, дом считался символом связи поколений. Тяжёлое ощущение вызывает у Осокиных вид разрушенного дома: «Геннадий орудовал на крыше, а труба дымила: последний раз топилась печь, которую тоже, ломать придётся. Катерина, подоив Красульку, готовила завтрак да укладывала-увязывала пожитки и всякую мелочь. Федюшка в деревянной ступе большим двуручным пестом толк на крупу последние пригоршни чумизы. Сестрѣнка расплакалась, когда увидела, что изба стоит без крыши, кругом валяются тесины, пыль столбом» (196). Похожее чувство горечи, в связи с сожжением избы, испытывает Дарья Пинигина в «Прощании с Матерой» В. Распутина. Она подготавливает избу к смерти, оmyвает и ухаживает, чтобы не видеть тяжѣлого зрелища.

Общежитие в пространственном отношении существенно отличается от *дома*. Это пространство разомкнутое (является воплощением хаоса и суеты), искусственное и разобщающее людей, живущих в нём.

Вещный мир здесь также представлен иначе. Это прослеживается в выборе предметов, манере описания, авторском отношении. Если в пространстве дома предметный мир показывается изнутри, глазами героя, который является неотъемлемой частью деревенского топоса, то в общежитии он рассматривается извне и содержит оценку героя, зачастую неодобрительную.

Общежитие в повести Фотьева представляло собой деревянный двухэтажный дом. Внизу – квартиры с отдельным входом с улицы, вверху, куда вела специальная лестница, – общежитие. Самые большие и светлые комнаты занимали студенты старших курсов. Среди студентов были «совсем взрослые ребята, почти мужчины, и громоздкие толстоногие девицы в дорогих шубках, или “дошках”, как их называли. Попадались среди эвакуированных и бедные фитильные салаги вроде Энгельса Леднева. Эвакуированные держались особняком. Это был народ взрослый, хорошо одетый, неплохо упитанный и, наверное, денежный» (129). Автор подчёркивает разнородность людей, находящихся в общем пространстве, это раскрывает семантику слова общежитие, как помещения, в котором проживает множество людей.

Внутри общежития комнаты разделял длинный коридор. В одной из комнат стояли бочки с водой, там ребята умывались. Туалет находился во дворе, что было крайне неудобно, особенно зимой: пригревшись в постели, ребята не могли заставить себя подняться, встать было «хуже каторги». «Для облегчения только и остаётся, что ругаться, ругаться, ругаться. На всех. И на себя тоже» (147). Кроме того, во дворе имелась баня – «приземистое широкое здание с пологой крышей – черным-черна. И чем только не пахнет в ней. Ходят сюда мужики в спецовках и фуфайках, пропитанных мазутом, угольной пылью, креозотом, кузбаслаком и прочей “химией”, кочегары и грузчики, токари и слесари, ассенизаторы и железнодорожники, фэззушники и студенты. Баня великоутробиста. Предбанник – тоже» (139). Баня – единственное место, где герой чувствовал себя комфортно: «А по стенам – радиаторы, и такие горячие! И лавки вплиты к радиаторам. Если народу немного и есть свободное местечко, то лучшего и желать не надо. Садись не раздеваясь, приваливайся спиной в уголок, а ногу – под самый радиатор – и блаженствуй. И со спины греет, и с боков. Оттаешь, и в сон тебя клонит, глаза слипаются» (139). Иногда в бане Геннадия удавалось побеседовать с «каким-нибудь дяденькой или дедушкой» о войне, жизни, учёбе, родителях и получить совет, поддержку или утешение, таким образом успокоиться и настроиться на лучшее будущее.

Предметно-бытовой мир комнаты, в которой временно проживал герой, представлен скудно. Комендант не получал денег на надлежащий ремонт и отопление – время военное, «всем нынче трудно» (133). Окна комнаты ребята забили досками и засыпали опилками, стены смежной пустующей комнаты были в инее.

Символичен образ убогой буржуйки в общежитии: «Печка-голландка – тоже под самый потолок. Но, как говорят, велика фигура, да дура. Не топилась голландка. Дымоходы обвалились. Поэтому рядом с круглой этой высокой “домной”, как Моська возле слона, уютилась черномазая буржуйка на полведра угля разовой закладки. Труба от буржуйки наискось втыкалась в бок голландки и во время ветров сильно дымила» (132). Очевидно, что образ голландки противопоставлен образу русской печи. Голландка не топилась и не могла выполнять функции домашней печи, которая являлась центром дома и объединяла людей, живущих вместе. Все живущие в комнате, несмотря на общность жилплощади, жили своей отдельной жизнью. У каждого была своя койка, своя тумбочка, своя еда, которую присылали родственники: «Дружескую беседу Лёвки и Генки прервал Марк Рейман. Сильно запыхавшийся, он вкатился в комнату – весь меховой, румяный с мороза. Похвалил, что уголь раздобыли и печку докрасна накалили: “Моводцы!” Затем, сняв дорогое пальто и оставшись в меховой душегрейке, уселся возле своей тумбочки и, как обычно, отвернувшись от ребят, не торопясь, начал “шамать”. А уж “шамать”-то у него всегда имеется. И шпик, и колбасу, и масло ему регулярно поставляют в посылках. Запах от его тумбочки идёт такой, что голова кружится и озвереть можно» (156). Этот эпизод моделирует в миниатюре отношения между людьми в общежитии, где каждый сам по себе и не чувствует связи с другими людьми, как это бывает в семье.

Среди необходимых предметов интерьера стол, табуретки, полынный веник. О роде деятельности обитателей (учёба) свидетельствуют чернила на столе, книги. Необходимо было парням узнавать и о ходе военных действий на фронте – отцы и родственники были на войне. В комнате для прослушивания

сводок Информбюро было радио, читались газеты. А на стене висели портреты маршалов, которые ребята вырезали из газет.

Потеря связи между людьми в общежитии свидетельствует о кризисном состоянии мира (утрате вечных ценностей, потере слаженности жизни). Уже с первых дней, проведённых в общежитии, герой испытывает разочарованность: здешние порядки ему не нравятся: «В общежитии, где поселились ушпинские, всегда стоял шум. <...> Самые большие и светлые комнаты занимали студенты старших курсов. <...> Там и гитары у них из рук в руки ходили, и патефон горланил, и сами ребята частенько хором пели. <...> Ушпинским такая “культура” не нравилась» (128). Песня, звучащая в общежитии, противопоставлена домашним, деревенским песням о родном крае, который так любил Генка. Это говорит о тесной духовной связи парня с родным домом и о неприятии чужой «культуры». Именно поэтому главный герой скучает по родной деревне и дому. Используя приём психологического параллелизма, писатель подчёркивает, что вынужденный покинуть отчий дом во второй раз и вернуться в общежитие после каникул, Генка переживает разлуку тяжело: «День расставания был теперь ещё тоскливее, чем в первый раз. Серый, туманный. Коровы осень чуяли, ревели в поскотине протяжно. Сквозь туман и морось из Зимнего лога слышались жалобные крики желны. Вершины гор прикрылись клубами туч, словно кутались в них, ожидая прихода зимы» (124).

Попав в трудные условия жизни, ребята один за другим начинают слабеть и уезжать в родной дом, в деревню, в пространство, где им комфортно, где окружает семья и сохраняется душевный покой. Оставшиеся вынуждены выживать. Обособленность жителей общежития и неустроенность быта толкают Генку и его товарищей на обман и воровство. Генка, поддавшись уговорам Лёвки Головина, занял денег у Ваньки Шаврина и украл колбасу у Марка Реймана. Становится ясно, что в общежитии происходит изменение представлений о человеке и вечных ценностях, обостряется ощущение пустоты, усиливается внутренний разлад героев: «Терялось что-то единственное, дорогое, давнее. Дружба, связь душевная рвалась» (119).

Причины изменения героев в разомкнутости, бесформенности непривычного мира. Молодые герои не просто «теряют» в нём, но и, не всегда находя в себе силы для сопротивления, уподобляются «чужому» пространству, становясь такими же аморфными.

Как уже отмечалось выше, замкнутое пространство дома чётко структурировано. В нём всё находится на своих местах и взаимосвязано. Раскрытию образов помогает характеристика предметного мира.

Предметный мир и быт семьи Осокиных согласуется с традиционными патриархальными особенностями обстановки русского крестьянского дома. За всеми членами семьи закреплён ряд предметов, которые свидетельствуют о роде занятий: женщины ведут домашнее хозяйство, а мужчины занимаются промыслом и охотой. Главным образом является русская печь — основа микрокосма семьи.

Иначе изображается общежитие. Неоднократно подчёркивается автором многочисленность людей, находящихся в этом пространстве. Образу домашней русской печи противопоставлена печка-буржуйка. Отношения между людьми иные, нежели в доме. Обращается внимание на потерю связи между людьми и слаженности жизни, на утрату вечных ценностей, на внутренний разлад в душе героев. Всё это способствует возвращению Генки Осокина и его друзей в родную деревню и дом, где они обретают гармонию с собой и семьёй.

Оппозиция на уровне хронотопа является свидетельством тесного внутрижанрового единства в творчестве Н. Фотьева. Необходимо добавить, что противопоставление дома и общежития переходит у Н. Фотьева в противопоставление города и деревни, что позволяет говорить об особенностях мироощущения писателя, близкого писателям-деревенщикам В. Белову и В. Распутину. Таким образом, анализ пространственных образов произведений амурского автора позволяет сделать вывод о правомерности включения творчества Н. И. Фотьева в контекст «большой» русской литературы второй половины XX века.